

«Сретенье» Иосифа Бродского: встреча с Анной Ахматовой

Стихотворению предшествует посвящение Анне Ахматовой: не считаясь с фактом ее смерти, Бродский адресует ей стихотворение. Продолжая традицию написания стихов для Ахматовой, в том числе, и на день ее рождения, — он дарит ей в день ее именин «Сретенье». Произведение обретает метафизический смысл письма, подобного любимому Бродским цветаевскому «Новогоднему».

«Сретенье» — не просто переложение евангельского сюжета (Лк. 2, 22-38). Кроме того, что в тексте имя «Анна» упомянуто непосредственно дважды, имя поэта («Анна Ахматова») растворено в фонике всего стихотворения: внутренние рифмы (когда... она... внесла... дитя... храня...; твоих... одних...), фонические созвучия (постоянно... сонно... безмолвно... Симеона... поведано... сына... тишина... над... странно... смущена... на... раменах... храня... пререканий... ранена, ... рана... согбенная... значенье... колонн... смутно... начало... стенами... лишенному... смертной...; храма... на раменах... в силах... всех... эхо... тех... в сердцах... рама... Мария... раздорам... терзаема... взглядами... упрямо... руками...; головами... церковь... тот... это... твое... света... слова-то задевая... повод... там... отворивши... пушистого...), причем некоторые названные слова повторяются неоднократно. В звукописи стихотворения среди гласных преобладают ударные и безударные «а», которые так впечатлили Бродского в имени поэта: «[А] опять открытых «А» <>завораживали, и она прочно утвердилась в начале русского поэтического алфавита. Пожалуй, это была ее первая удачная строка, отлитая акустически безупречно, с «Ах», рожденным не сентиментальностью, а историей. <> выбор оказался пророческим» [1].

Посвящение оказывается своеобразным эпиграфом, ключом к тайнописному, скрытому плану в произведении. Имя поэта становится исходной точкой поэтического движения: все стихотворение разворачивает внутреннюю форму (образ) имени Ахматовой, создавая при этом смысловую бесконечность символа. В имени поэта заложена драма личности, ее внутренний сюжет, «личностная история».

Помимо очевидной, сюжетной отсылки к Анне Пророчице — одной из главных участников евангельского события, все стихо-

творение дышит «благодатью», что собственно и означает по-древнееврейски имя «Анна»: открытые гласные и дифтонги размыкают пространство, создавая акустику храма.

Дав название сборнику стихов «Anno Domini MCMXXI» («В лето Господне 1921» (лат.)), Ахматова сопрягла свое имя с историей в ее христианском видении, с временем как таковым (анналы (annales – «годовой, касающийся лет» (лат.)) – «летопись»): «Это голос<>древней, самой общей, наиболее первичной реакции на всенародное горе — мне больно, всем больно, и моя боль неотделима от боли других, а потому при всем неистовстве растворена спокойствием эпоса. <> Не будь Ахматовой, кто еще с такой верностью продолжил бы традицию летописцев и плакальщиц?» [2]. Говоря об этом сборнике Бродский также акцентирует эпичность и метафизичность ахматовской поэзии: «В отдельных стихотворениях гул вечности вбирает в себя голос автора <>. Полное единение, вернее растворение в вечности, придет к ней позже» (1; 67).

Это «спокойствие эпоса», этот ахматовский «гул вечности» Бродский гениально передает в «Сретенье» балладной композицией и полноударным четырехстопным амфибрахийем. «Благодаря неподвижному ударению перед цезурой» амфибрахий «приобретает некоторую монотонность» [3], — отмечает Жирмунский. Именно эта «естественная монотонность» и привлекла Бродского: «Он снимает акценты. Снимает патетику. Это абсолютно нейтральный размер. Повествовательный.<> В этом размере — интонация, присущая <> времени как таковому» [4]. Для переложения летописного рассказа из «Повести временных лет» (912 г.), переданного Карамзиным в «Истории Государства Российского», Пушкин избрал именно 3,4-стопный амфибрахий и балладную строфу (аБаБвв). На «Песнь о вещем Олеге» ориентировалась Ахматова в своих библейских стихах, в частности, в «Рахили». По словам Бродского, они с Ахматовой «обсуждали идею переложения Псалмов и вообще всей Библии на стихи» [5]. Поэтому «Сретенье» написано и как продолжение этого диалога: с библейскими стихами Ахматовой, «Рождественской звездой» Пастернака.

«Благодать» по-гречески звучит, как «Χα'ρις», что закрепляется в стихотворении фоническими созвучиями фамилии — «Ахматова». И это порождает в эллинизированном русском языке еще один поток смысла. Графически и фонетически «Х» создает смысловые линии: имя Христа целомудренно не названо, что близко к исполнению запрета на произнесение Божьего

имени, но присутствует в звукописи стихотворения — особенно в 10 и 11 строфах, которых Симеон пророчествует о Нем; «Храм» — основной образ и мотив стихотворения; мотив хранения («слово храня»); мотив «тишины» (тихий, тихость — греч. ηδουχία (исихия) — «тишина, молчание, безмолвие»), что особенно проявляется в фонике 7 и 8 строф.

Эти смысловые линии уходят за пределы произведения, обнаруживая свои богатые источники в творчестве и жизни Ахматовой, освещая в них по-новому известные и потайные, неявные смыслы. Вот лишь некоторые смысловые притяжения: Христос (вспоминается, в частности, последняя, «кумранская» запись в записной книжке Ахматовой); Крест; «херсонесская юность» поэта: в древнем Херсонесе прозвучала первая апостольская проповедь св. Андрея (в отчестве Ахматовой — этот «андреевский» смысл) в Русской земле, принял крещение кн. Владимир, перед которым он бракосочетался с греческой царевной Анной, таким образом, сделавшейся «виновницей обращения ко Христу целого народа русского»; воздвижение апостолом Андреем Первозванным креста на киевских горах (еще один топос ахматовского мира); андреевский крест; славянский алфавит — букву хѢрь «следует признать сокращением слова хѣроувимъ», имеющего древнееврейские и греческие корни: «В христианской традиции херувим — ангельский чин, символизирующий местопребывание и воспевание «славы Божией», вечный дух, созданный Творцом, чтобы охранять путь к «древу жизни» [6]; Дух; Хронос; XX век; X часть «Реквиема» («Распятие»); ленинградская тюрьма Кресты...

Таким образом, Бродский раскрывает нам глубинный смысл имени — *Анна Ахматова* — глубинный смысл, тайну ее личности: «Имя личности есть сама личность, но сама личность — не имя», — переиначим знаменитую имяславскую формулу П. Флоренского, ведь личность — богоподобна, иконична. В таком понимании имени, в этом отношении к слову Бродский непосредственно продолжает ахматовское ощущение слова как Логоса: «священного глагола», «царственного», «божественного», «пречистого» Слова: «Язык — начало начал. Если Бог для меня и существует, то это именно язык» [7]. «Язык», а не «слово» употребляет Бродский и это, казалось бы, сближает его со структурализмом. Но это лишь внешняя близость, так как язык в его понимании — не знак, аллегория, а метафизический символ, не семиотическое понятие, а, скорее, богословское, не идол, а ипостась Бога. Поэту естествен-

но оказывается близок Бог в ипостаси Логоса, что «был в начале» (вспомним центральный образ в «Сретенье» — Богомладенца).

Исходным тезисом поэтической концепции языка у Бродского является цветаевское «Поэта далеко заводит речь»: слово оказывается самодвижущимся, оно разворачивает, раскрывает само себя: «стихотворение само диктует, строфы накапливаются и обретают массу, которая требует следующего движения, расширения <> метафизического радиуса». Слово выводит за пределы какой-либо доктрины, идеи: поэтический смысл оказывается шире и глубже любых идей, в том числе философских и религиозных: «Ты часто и не подозревал, что там внутри таится, а язык это выявил и подарил тебе. Такая неожиданная награда», Библия при таком понимании слова становится образцом для Бродского, потому что «задача поэта — из всего извлекать как можно больше смысла<>». ⁷ В божественности Слова Бродского убеждает собственный стихотворный опыт: присутствие в слове неисчерпаемой полноты смысла, который бесконечно дарит, жертвует себя, предстает как чистое, бескорыстное даяние: «Язык, который нам дан, он таков, что мы оказываемся в положении детей, получивших дар. Дар, как правило, всегда меньше Дарителя, и это указывает нам на природу языка» [8]. Поэтому, по Бродскому, к языку следует подходить «едва ли не с благоговением, ибо <> язык <> старше и органичнее наших мнений» [9], «обращаться к самому языку, вести диалог с теми его сторонами, которые имеют для него (поэта. — А. М.) первостепенную ценность и отражаются в его стихах».

И это харизматическое восприятие слова не просто постулируется в философии языка поэта, но воплощается в «Сретенье», в котором ощущаешь захватывающую глубину, образуемую бесконечным взаимодействием, слиянием смыслов. Слово воспринимается не как то, за чем стоит значение, а как живой смысл самого слова: «звучащая и говорящая плоть» (Мандельштам). Таким образом, раскрытие смысла имени, личности Анны Ахматовой в «Сретенье» — это воплощение и продолжение харизматической традиции русской поэзии, которую Бродский наследовал у Ахматовой.

«Сретенье» — не обычный ахматовский портрет в слове. Бродский дает не просто динамичный образ поэта, но само *событие встречи*, полисубъективное событие, выраженное в живых направленностях души, в ее *движениях*: прежде всего Ахматова соотносится с Анной Пророчицей — «вдовой лет 84,

которая не отходила от храма, постом и молитвой служа Богу день и ночь» (Лк. 2, 37); в ожидании и принятии Симеоном и Анной Пророчицей Христа — главный момент в празднике (начало и финал стихотворения) — отношение Поэта к слову как Логосу, взаимное отношение любви между Ахматовой и Бродским, в котором она видела своего равного преемника; соотносится Ахматова и с судьбой Марии, которую пророчит Симеон, причем и в связи с Бродским («Какую биографию делают нашему рыжему!»); смерть, вернее, уход Симеона — смерть Ахматовой, Поэта вообще, отношение Бродского к смерти; наконец, умолченный Иосиф Обручник (Бродский, Мандельштам), с точки зрения которого воспринимаются все участники события и событие в целом. Бродский драматургично описывает сам процесс личного восприятия Ахматовой, в котором бытийственно и по-новому высвечивается не только живая личность Ахматовой, но и личность Бродского, смысл этой преобразующей встречи для обоих: «Дело было вовсе не в литературе, а в чисто человеческой и — смею сказать — обоюдной привязанности. <> На всех нас, как некий душевный загар, лежит отсвет этого сердца, этого ума, этой нравственной силы и этой необычайной щедрости, от нее исходивших».⁵ Именно такими — нелитературными, личными, личностными встречами живет русская поэзия, в частности, и русская культура в целом.

«Сретенье» — многомерное произведение: евангельское событие Сретения — «архетипическая ситуация» (Бродский) живой символ, вобравший в себя личность и судьбу Ахматовой Бродского — русского поэта и поэзии, а в образе их встречи — модель ее развития — передачу и принятие священного дара Слова...

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродский И. Скорбная муза // Юность. 1989. № 6. С. 65.
2. Аверинцев С. С. Вещунья, свидетельница, плакальщица // Родина. 1989. № 5. С. 42.
3. Жирмунский В. Техника стиха. Л., 1975. С. 135.
4. Рождество: точка отсчета. Беседа И. Бродского с П. Вайлем // Независимая газета. 1991. 21 декабря. С. 6.
5. Волков С. Диалоги с И. Бродский. М., 2000. С. 224-225, 242, 256.
6. Савельева Л. В. Славянская азбука: дешифровка и интерпретация первого славянского поэтического текста // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX вв. Петрозаводск, 1994. С. 20.